

Источники государственной идеологии: преемственность vs заимствование

Государственная идеология и миф о легитимации власти

Аннотация. В статье представлена авторская позиция по вопросу о роли правового мифа о легитимации власти в формировании государственно-национальной идеологии. Отмечается, что идеология может рассматриваться в узком и широком смысле. Широкое толкование идеологии предполагает симбиоз не только теоретических положений, взятых в оценочном дискурсе, но и чувств, переживаний, настроений, составляющих эмоционально-волевой компонент идеологии и направленных на выявление смыслов. Рассматривается исторический процесс формирования государственной идеологии, в которой власть в лице царя в союзе с церковью, была призвана обеспечить единство и консолидацию российского общества. Отмечается, что символическая природа мифа способна придать идеологии действенную силу и обеспечить ее рецепцию со стороны народа. Анализируется мифологическая среда в процессе приобретения индивидом властных полномочий. Рассматриваются примеры создания правовых мифов легитимации власти, которые обнаруживают свое присутствие на протяжении как мировой, так и отечественной истории. Особая роль в процессе мифологизации власти отводится разнообразному арсеналу средств как правового, так и морально-религиозного характера для обеспечения доверительного отношения к власти.

Ключевые слова: идеология, правовой миф, легитимация, рациональность, символ, справедливость, цивилизация, традиция, ценность

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.171-179

**Наталья Федоровна
МЕДУШЕВСКАЯ,**

профессор кафедры истории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук,
доцент
sarfo2@yandex.ru
117997, Россия, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

**Константин
Елизарович СИГАЛОВ,**

профессор кафедры теории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук,
профессор
sigalovconst@mail.ru
117997, Россия, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Natalia F. MEDUSHEVSKAYA,

Professor, Department of History of State and Law
of the Vladimir Kikot University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
sapfo2@yandex.ru
12, ul. Academic Volgin, Moscow, Russia, 117997

Konstantin E. SIGALOV,

Professor, Department of Theory of State and Law
of the Vladimir Kikot University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Dr. Sci. (Law), Professor
sigalovconst@mail.ru
12, ul. Academic Volgin, Moscow, Russia, 117997

State ideology and the myth of the legitimization of power

Abstract. *The article presents the author's position on the role of the legal myth of the legitimization of power in the formation of state-national ideology. It is noted that ideology can be considered in a narrow and broad sense. A broad interpretation of ideology presupposes a symbiosis not only of theoretical propositions taken in evaluative discourse, but also of feelings, experiences, moods that make up the emotional-volitional component of ideology and aimed at identifying meanings. The article examines the historical process of the formation of state ideology, in which power in the person of the Tsar, in alliance with the Church, was called upon to ensure the unity and consolidation of Russian society. It is noted that the symbolic nature of myth is capable of giving ideology effective force and ensuring its reception by the people. The mythological environment in the process of an individual acquiring powers of authority is analyzed. Are considered examples of the creation of legal myths of legitimization of power, which reveal their presence throughout both world and domestic history. A special role in the process of mythologization of power is given to a diverse arsenal of means, both legal and moral-religious, to ensure a trusting attitude towards power.*

Keywords: *ideology, legal myth, legitimation, rationality, symbol, justice, civilization, tradition, value*

Понятие идеологии появилось относительно недавно. Впервые оно было введено французским философом и общественным деятелем Дестютом де Траси и в настоящее время широко используется в социально-гуманитарном познании. Идеология в узком смысле рассматривается как совокупность прежде всего теоретических взглядов, идей, взятых и рассмотренных с оценочной позиции под определенным аксиологическим углом зрения.

В настоящее время понятие идеологии стало толковаться более широко и включать, помимо определенных теоретических представлений, взглядов и позиций, также чувства, настроения, переживания, смыслы, которые не лежат на поверхности, но скрыты в глубинах человеческого «Я». Неслучайно немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс в книге «Смысл и назначение истории» писал, что «идеология — система идей и представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки собственных интересов»¹.

Общественная идеология включает целую совокупность идей, черпая их из всей духовной мировой и национальной культуры. Она существует в различных формах (политическая, нравственная, эстетическая, научная и др.) и типах (государственная, национальная, классовая и др.).

Государственная идеология выполняет важную консолидирующую роль, способствует единению общественности, руководствуется идеями и принципами, вырастающими из толщи социальной жизни, должна содержать как верность традициям, ментальным особенностям народа, так и тем новациям, которые сопутствуют исчезающему социальному времени и целям государственного строительства и организации. Государственная идеология выражает национальную идею, без опоры на которую социальная жизнь атомизируется и утрачивает свою целостность и единство.

Стремление к деидеологизации, которая насаждалась в течение длительного времени в перестроечный и постперестроечный периоды, себя не оправдало, привело ко многим деструктивным последствиям, ослабило российскую государственность и способствовало разрушению национального суверенитета.

Идеологические скрепы российского общества имеют длительную традицию и начали формироваться еще в период укрепления отечественной государственности. Можно с уверенностью констатировать, что один из важнейших факторов становления Российского государства связан со становлением национально-государственной идеологии, и это нашло отражение в большинстве источников российского права. Еще в молении Илариона «Слово о законе и благодати», составленном в ярком эмоционально-волевом духе, воплотились глубокие мысли о единстве народном, величии родной земли, государственность которой находилась в младенческом состоянии.

Мифологема «Мать-сыра-земля» сложилась еще в языческой стихии и сохранилась в большом числе пословиц и поговорок: «Мать-сыра-земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает!», «Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!», «Как не добер кто, а все не добрей Матери-сырой-земли, всяк приючает землю до гробовой доски, а земля приютит и мертвого!». Она явилась тем истоком национальной идеологии, которая закрепилась в анархистско-волюнтаристской душе русича, создав образ Родины, сформировав ту патриархальную традиционность, основы которой не удалось изжить, несмотря на все попытки.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. С. 147.

Для русича-язычника Мать-сыра-земля сакрализуется, навсегда остается кормилицей. Тот, кто утрачивает исконную связь с землей становится безродным сиротинушкой, изгоем без почвы и корней, без Родины. Она превращается в лоно всех народов, проживающих на русской территории, становится тем центром, вокруг которого строится все здание российской государственности с многонациональностью и многоконфессиональностью. Собственно говоря, тема единства берет свое начало именно с этой мифологемы. Иларион, восхваляя деяния князя Владимира, прославляет комплексное единство земли, языка, веры и правления князя.

Н. А. Бердяев отмечает: «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, — не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их»². И эта беспомощность порождает еще одну важную ментальную идею, вдохновленную данной необъятностью, — надежду на единовластие, которое одно спасительно для россиянина, способно обеспечить ему безопасность и уверенность в завтрашнем дне. Формируется фундаментальная идея национально-государственной идеологии — власть в лице царя в союзе с церковью уполномочена осуществить божественный замысел и привести страну к спасению.

Итак, идеология тогда станет действенной и сможет запасть в душу россиянина, когда сумеет выразить те сокровенные чаяния, которые лежат вне поля рационального, навеваны устойчивыми образами, сложившимися исторически на фоне всего многообразия социального бытия и имеющими традиционно символическую форму.

Современные научные исследования в сфере социально-гуманитарного познания, оперирующие постнеклассической рациональностью, обращаются к мифам, не видя в них только вымысел, фантазию и сказку, как это было в новоевропейской науке, пронизанной классической рациональностью. А. Ф. Лосев отмечал, что «миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность»³.

Почему человек все еще находится в плену мифологического сознания? Прежде всего потому, что он наполнен переживаниями, эмоциями, страстями, оперирует не понятиями, а образами, которые имманентно присущи всему человеческому, близки ему и понятны. Наука всегда отвлеченна, она противостоит субъекту, взирает на него как бы со стороны. Миф же есть сама жизнь, он обладает глубокой интимностью, взывает к чувству индивида, его душевно-духовному миру. И в этом смысле идеология мифологична, если стремится склонить на свою сторону индивида. Если идеолог хочет найти единомышленников, убедить их в своей точке зрения, он должен обращаться к ним не с холодными выводами

² Бердяев Н. А. Судьба России. М. : АСТ, 2005. С. 97—98.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Правда, 1990. С. 7.

научного познания, а с мифологическим видением мира, с непосредственным восприятием реальности.

Миф есть символ, и в этом смысле он близок и понятен человеку, который есть существо символическое (Э. Кассирер). Миф не раскрывает объективность реальности, но порождает смыслы, которые ее пронизывают, он глубоко проникает в духовный мир человека, превращаясь в личностное знание.

Среди комплекса мифов, которые могут сделать государственно-национальную идеологию жизненной, особое место занимает миф о легитимации власти. Уже с самого начала своего становления легитимация ставила перед собой цель оправдать и объяснить власть, и следствием этого процесса стала мифологизация феномена легитимации. Когда жрецы стали своим соплеменникам растолковывать, что их вождь (Белое Крыло, Верная Рука, Чинганчук и т.п.) должен ими управлять, командовать, осуществлять властные полномочия, потребовалась мифологизация. Еще совсем недавно все были равны, никто не выделялся и не занимал особого положения, не возвышался над племенем, не требовал подчинения, и вдруг появился некто, кто назвал себя вождем и узурпировал власть. Рациональных аргументов объяснения этому еще не хватало, ведь претендент на власть, по сути дела, не обладал особыми, выдающимися качествами. Требовалось доказать, что небеса (боги, духи предков, призраки джунглей и т.п.) благоволят именно этому вождю, что он избранный. В отдельных случаях жрец свидетельствовал, что вождь являлся сыном какого-либо бога.

Впоследствии это обоснование легитимации находит свое подтверждение в реконструкции античных текстов, в стремлении правителей вести свой род от богов и богинь (Цезарь, Август, а еще ранее — правители древневосточных государств, чья логика и аргументация легитимации была в дальнейшем чрезвычайно востребована древнегреческими и древнеримскими правителями). Причем непосредственная связь с божественными структурами в определенном смысле оказалась заимствованной из Моисеева (иудейского) права, в котором вся власть принадлежит Всевышнему. Царь — только его представитель на земле, но, поскольку он представляет интересы Всевышнего, то и его власть оправдана именно этим представительством.

Данный мифологический феномен нашел свое подтверждение и развитие и в дальнейшем, в частности в доктрине православной церкви, когда восточно-римский (византийский) император, а за ним и русский царь были репрезентированы наместниками Бога на земле: царь уподоблялся Богу.

Мифологизация всегда занимала особое место среди властно-династических факторов. Так, первый муж Алиеноры Аквитанской — французский король Людовик VII, не дождавшись от нее сына, придумал, что их родство, пусть и дальше, препятствует этому. Со вторым мужем — королем Англии Генрихом II — Алиенора родила пять сыновей (включая Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного), а также несколько дочерей. Тем самым миф о неспособности Алиеноры рожать мальчиков был разоблачен.

Миф всегда существовал рядом с человеком у власти. В процессе приобретения субъектом властных полномочий вокруг него создавались определенное мифологическое поле, мифологическая среда с целью оправдать, приподнять его

над социальным окружением, придать ему подчас несвойственные ему качества, чтобы узаконить место данного индивида во властной структуре.

Наша отечественная история пестрит такими примерами. Так, одним из оснований избрания на царство Михаила Романова было провозглашение его внуком Ивана Грозного и потомком Рюриковичей. В действительности дети Ивана IV, рожденные от первой и самой любимой жены Анастасии Романовой, — Иван и Федор наследников не имели, поэтому Михаил по крови не являлся внуком Ивана Грозного и к династии Рюриковичей отношения не имел.

Далее. При Федоре Алексеевиче, предшественнике на престоле Петра I, было запрещено уподобление царя Богу. Это в определенном смысле способствовало разрушению основания существовавшего в XVII в. мифа о сакрализации образа царя. Конечно, позиция Федора III объяснима и понятна в контексте его европо-ориентированной политики, но представляется несколько преждевременной с точки зрения подготовленности к ней социума. В какой-то степени это и стало причиной стрелецких бунтов, властных конфликтов и, в конечном счете, смуты, закончившейся приходом к власти царевны Софьи.

Петр I искал новые основания легитимации, поэтому со временем он стал Отцом Отечества, императором и Великим, но не вследствие своего происхождения, а благодаря личным заслугам. Это касалось не только образа царя, но и приближенных к власти. Еще при Федоре III было отменено местничество, сожжены разрядные книги, одной только знатности было уже недостаточно, чтобы находиться у власти (как, например, у А. Д. Меншикова), тогда их приходилось придумывать, искусственно наделять приближенных заслугами.

Неправомерно отрицать мифотворчество и в последующие эпохи нашей и в целом мировой истории, поскольку склонность к созданию мифологем властной легитимации обнаруживали властные структуры самых разных социальных образований, ощущая настоятельность и потребность в формировании собственной идеологии.

Так, после Октябрьской революции возникла необходимость в мифологизации всех тех, кто имел отношение к совершению этого переворота, Гражданской войне, участию в действиях конкретных воинских подразделений (Первая конная армия, латышские стрелки и т.д.).

Мифы постсоветской эпохи базировались уже на иных основаниях — участии в диссидентской деятельности, безоговорочном отрицании всего советского, провозглашении себя либералом и демократом. На самом деле создаваемые мифы имели под собой определенные финансово-экономические интересы, позволяли паразитировать на идеологии, но одновременно решать за счет Советского, а затем Российского государства свои узкокорыстные проблемы и лоббировать шкурные интересы.

Мифы стран социалистической ориентации создавались также исходя из экономических интересов ради безвозвратных кредитов, бескорыстной помощи, поставок полезных ископаемых. И уж как тут не упомянуть миф о дружбе и консенсусе с западными странами, который позволял властным структурам выглядеть в глазах собственного электората весьма прогрессивными и демократичными, что активно поддерживалось Западом с целью получения личных выгод и ослабления нашей страны.

Итак, миф является первым и самым важным основанием легитимации, без него национально-государственная идеология утрачивает свою действенность и поддержку.

Обращаясь к феномену легитимации, следует подчеркнуть, что для властвующей или претендующей на властвование персоны всегда важна личностная легитимация. Конечно, насилие неизбежно присутствует в осуществлении власти, но прямое насилие не принесет необходимого результата, если речь пойдет о налаживании взаимоотношений со своими гражданами (подданными), родственниками, приближенными или соседями. «Исторически во всех формах проявления, от первобытных до цифровых, верховная власть ценна тогда, когда несет благо народу»⁴.

Правитель нацелен на собственную легитимацию, используя не столько насильственные средства, сколько этико-религиозную аргументацию, стремится оформить ее идеологически, поскольку ищет признания своей власти в личном окружении. Неслучайно поэтому понятие справедливости оказывается столь востребованным уже в древности. С одной стороны, оно олицетворяет мечту человечества об обществе равновесия и благополучия, с другой стороны, в силу своей чрезвычайной абстрактности, способно создавать условия для манипулирования, формирования идеологических предпочтений, удобных, признаваемых и навязываемых правителем и его окружением с целью воздействия на психологию масс и формирования оптимального образа власти. Если общественные субъекты добровольно принимают власть, воспринимают ее как свидетельство справедливого социального устройства, то и у лидеров возникают предпосылки и реальные возможности для оптимизации общественного порядка в социуме.

Таким образом, легитимация власти предполагает реализацию аксиологической стороны власти, заключающейся во встроенности в ценностное сознание народа, в массовое сознание понимания власти как ценности первого порядка. «Метод императива задает тот образ и те идеи, которые далее фундируют иерархию и сеть власти. Машина власти нуждается в контекстах, ценностях, институтах»⁵.

С другой стороны, любой общественный порядок требует своего институционального оформления, хотя и создается в мире повседневной правовой реальности, базируется на ментальных особенностях народа, его традициях, духе и укоренен интуитивно в бытовой жизни. Другими словами, «легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая *нормативный характер его практическим императивам*. Легитимация имеет *когнитивный* и *нормативный* аспекты. Иначе говоря, легитимация — это не просто вопрос «ценностей». Она всегда включает также и «знания»⁶.

Следовательно, легитимация является не случайным, а жизненно необходимым явлением, которое «отражает процесс, способы, методы и техники

⁴ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11 (111). С. 169.

⁵ Исаев И. А., Румянцева В. Г. Методология и технология власти: новый миропорядок // История государства и права. 2022. № 11. С. 56.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 153.

оправдания существующей властно-институциональной конфигурации, основных форм и параметров их функционирования. Именно в ходе этого процесса — развития реальных властных отношений в среде “личность — общество — государство”, обусловленного существующей социально-политической и экономической обстановкой, политико-правовой культурой и ее архетипическими кодами, формируется *режим легитимного функционирования* институтов власти и конкретных политических акторов и должностных лиц»⁷. И в этом случае на передний план выдвигается идеология, которая, учитывая эмоционально-познавательный аспект, обосновывает и аргументирует рациональный компонент.

Отметим еще один аспект, который связан с причиной мифологизации легитимации власти, — это доверие, без которого попытки сохранить дееспособность власти могут оказаться безрезультатными или привести к точке бифуркации. На протяжении всего существования мирового сообщества, как в государственный, так и догосударственный периоды, мир являл свою противоречивость, конфликтность, неравновесность, неустойчивость и неопределенность. Для оформления его упорядоченности требовалась легитимация власти, которая невозможна без утверждения доверительных отношений между властвующими и подчиняющимися, в основе которых лежит убеждение в честности и добросовестности обеих сторон.

Для формирования доверительных отношений властные структуры, политическая элита способны обеспечить свое господство, используя весь арсенал средств — морально-нравственную риторику, ритуалы и обряды, архетипы коллективного бессознательного, религиозную символику и теологическую аргументацию, правовые методы, личностные качества. «В личности государя общество олицетворяло и символически воплощало саму власть»⁸.

Конечно, все эти средства используются комплексно, но по-разному в разных цивилизационных срезах. Для Запада доверие фиксируется с помощью договорных отношений и взаимных обязательств, для Востока доверие власти предполагает подчинение личного общественному, растворение в коллективе, общине, государстве, служение с полной отдачей всего себя и преданность правителю. В легитимации власти на Востоке в большей степени, чем на Западе, сохранились следы архаики, ее присутствие наблюдается в сакрализации правителя, который безраздельно владеет всем земным и господствует над ним.

Иначе обстояло дело в античном полисе, в котором признавались сменяемость власти и взаимная ответственность каждого гражданина за принимаемые решения. Как утверждал Аристотель, «целью государства является благая жизнь, и все упомянутое создается ради этой цели, само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни»⁹. Институциональное доверие в древнегреческом полисе обеспечивалось

⁷ Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 154.

⁸ Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 125.

⁹ Правовая жизнь : антология / авт.-сост. В. П. Малахов. М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. С. 99.

правом высказывать свое мнение на агоре (изогория), равными возможностями занимать государственные должности (изотомия) и равенством всех перед законом (изономия).

Итак, для достижения гармонизации государственной власти и общества требуется формирование определенной национально-государственной идеологии, которая основывается на феномене легитимации власти. Утверждению и принятию данной идеи способствует мифологизация властвующих структур на основе ответственности, признания и доверительного отношения по отношению к власти. Миф, адекватный ценностному сознанию общества, отражает реальность, проясняет ее смыслы и благодаря своей образности глубоко укореняется в ментальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н. А. Судьба России. — М. : АСТ, 2005. — 384 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
3. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 463 с.
4. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4 (104). — С. 122—130.
5. Исаев И. А., Румянцева В. Г. Методология и технология власти: новый миропорядок // История государства и права. — 2022. — № 11. — С. 55—60.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. — М. : Правда. 1990. — 429 с.
7. Правовая жизнь : антология / авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. — 1016 с.
8. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11 (111). — С. 165—170.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М. : Республика, 1994. — 527 с.

